

ОПЕРАТИВНЫЙ МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 9(27) Май 2016 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ	3
1. ДЕКОМПОЗИЦИЯ ТЕМПОВ РОСТА ВВП 2016–2019 ГГ.: В ОЖИДАНИИ СТРУКТУРНЫХ ПЕРЕМЕН (С.Дробышевский, М.Казакова)	6
2. НАЛОГОВЫЙ МАНЕВР: УСКОРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В УЩЕРБ БЮДЖЕТНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ (Г.Идрисов, А.Каукин)	11
3. НАСТРОЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В МАЕ 2016 Г.: НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО И НЕ ОЧЕНЬ ПЛОХО (С.Цухло)	16
4. БАНКОВСКОЕ КРЕДИТОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ДОЛГОВАЯ НАГРУЗКА СНИЖАЕТСЯ (М.Хромов).....	20
5. РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА: НЕСТАБИЛЬНОЕ РАВНОВЕСИЕ (А.Ляшок).....	23
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА.....	27

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Минэкономразвития России, при партнерстве с Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР).

Редколлегия: Дробышевский С.М., Кадочников П.А., Мау В.А., Синельников-Мурылев С.Г.

Редакторы: Гуревич В.С., Колесников А.В.

Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2016. № 9 (27). Май / Дробышевский С., Идрисов Г., Казакова М., Каукин А., Ляшок В., Хромов М., Цухло С. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Колесникова А.В., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли, при партнерстве с Ассоциацией инновационных регионов России. 27 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2016_9-27_may.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

Главные экономические события последних дней носили преимущественно политический характер, какой и должно носить заседание президиума Экономического совета при президенте. Из немногo известного о происходившем за закрытыми дверями чаще всего обсуждался призыв к президенту снижать геополитическую напряженность, иначе Россия совсем окажется на обочине технологического прогресса. В ответ на что он заметил, что торговать суверенитетом нельзя, и напомнил про «тысячелетнюю историю» страны.

При всей, можно сказать, жизненной важности снижения геополитической напряженности, стоит в этой связи напомнить и о совсем недавней истории страны. Речь идет о 2000-х годах, которые, за исключением пары лет, характеризовались как раз несравненно меньшей геополитической напряженностью.

России был открыт широкий доступ к дешевым ресурсам мирового финансового рынка, чем она активно и пользовалась, а также к современному оборудованию и технологиям, чем она пользовалась менее активно. Плюс получила дополнительные доходы от внешнеторговой конъюнктуры. В результате экономика приобрела многие черты «петростейт». При этом в условиях низкой напряженности и высоких доходов она не приобрела черты экономики, повышающей свою эффективность. Низкая эффективность спокойно соседствовала с низкой напряженностью.

Разумеется, достижения были значительными. Потребительский сектор развивался исключительными темпами (ритейл, розничный банкинг, недвижимость, автомобилестроение и т.д.). Упреки в таком «перекосе» вряд ли заслуженны, учитывая вековое российское недопотребление. Куда критичнее то, что параллельно экономика становилась более монополизированной, рынок – все менее конкурентным, а продукция по преимуществу оставалась такой же неконкурентоспособной. Основная часть легкодоступных ресурсов пошла на слияния-поглощения, а угроза «технологической обочины» росла и без всяких геополитических угроз.

Вывод из этой совсем недавней истории не в том, что раз уж благоприятные внешние условия не слишком помогли, то «пусть сильнее грянет буря» и тогда, может быть, экономика начнет хорошеть на глазах. А в том, что ее успех в гораздо большей степени зависит от условий внутренних. И прежде всего от перемен, которые получили обозначение «структурных» – какую бы отчужденную или ироническую реакцию не вызывало это понятие.

Собственно, усиление роли структурных компонентов развития – единственный способ достичь желаемых темпов роста ВВП, приходят к выводу эксперты ИЭП им. Гайдара, проведя декомпозицию динамики ВВП РФ в 2016–2019 гг. на основе соответствующего прогноза Минэкономразвития. Метод декомпозиции основан на применяемом в странах ОЭСР способе пофакторного анализа экономического роста и адаптирован к условиям высокой внешнеторговой зависимости российской эко-

номики. Этот метод призван выделить факторы, влияющие на рост ВВП: структурные, внешнеторговые, конъюнктурные, чтобы определить – где заложен потенциал этого роста, а где его нет или, тем более, он носит негативный характер.

Анализ прогнозных данных и сценарных условий Минэкономразвития дает экспертам возможность предположить: выход на желаемые темпы роста ВВП в 2019 г. (4%) не может обеспечить ни внешняя, ни внутренняя конъюнктура; их могут обеспечить лишь структурные сдвиги и дополнительное привлечение в экономику 4,5 млн работников плюс 40 трлн руб. дополнительных инвестиций в основной капитал.

В прямом смысле структурные сдвиги происходят, а еще более – планируются в отрасли нефтедобычи и нефтепереработки. Они не затрагивают работу институтов, зато всерьез затрагивают работу НПЗ, структуру выпуска нефтепродуктов, налоговую систему (и налоговые стимулы) в нефтедобыче. Проблема заключается в том, что соответствующий и многократно уже описанный «налоговый маневр» был отчасти приостановлен в 2015 г. ради сохранения в прежних объемах налоговых поступлений в бюджет. Эксперты ИЭП полагают, что реализация этого маневра в полном объеме дала бы, тем не менее, позитивный эффект. По их подсчетам, возможен и дополнительный плюс в виде сдерживания роста цен на нефтепродукты.

Заметим, однако, что такой сценарий предполагает снижение Минфином акцизов, во что поверить непросто. А вот в перенасыщение рынка топлива с соответствующей остановкой роста этих цен, на чем уже акцентируют внимание некоторые исследователи, верится несколько больше. Потребление бензина в стране стало снижаться, в то время как его производство, благодаря модернизации НПЗ, будет расти. Экспорт нефтепродуктов также может столкнуться с острой конкуренцией благодаря росту предложения, в том числе – вводу новых крупных НПЗ на Ближнем и Среднем Востоке. Возникает вопрос: не «обнулит» ли все это в какой-то мере усилия по наращиванию и модернизации нефтепереработки, да и сам налоговый маневр. Этот рынок вступил в период таких стремительных структурных перемен, что маневрировать на нем стало намного сложнее.

Трудности в определении даже ближайших перспектив испытывают и другие отрасли. Согласно проведенным нашими экспертами в марте опроса предприятий, удовлетворенность промышленников спросом на свою продукцию растет. Однако уверенности в сохранении этой позитивной динамики, судя по опросам, нет. Схожая картина – и в отношении объемов производства. В мае оценка предприятиями динамики выпуска продукции достигла максимума с октября 2014 г. Однако производственные планы, которые в январе-феврале 2016 г. выглядели крайне пессимистично, а весной приобрели уже более оптимистический характер, вновь утратили позитивную динамику. Похожую динамику демонстрировали и инвестиционные намерения.

При этом нехватку собственных финансовых средств в качестве помехи для развития называет сейчас минимальное количество предприятий за всю историю мониторинга (1996–2016 гг.). Этот фактор мешает теперь только половине предприятий (худший результат был в 1998 г. – 91%). Второе место в списке помех (44%) – высокие цены на оборудование и высокий процент по кредитам, причем стоимость кредита теперь

заботит предприятия меньше, чем в 2015 г., а стоимость оборудования – больше. Неуверенность в скором оживлении экономики занимает следующее место с 32% по сравнению с 25% год назад. Доступность кредитов в мае 2016 г. оценивается на том же уровне, что и в январе, а способность промышленности обслуживать взятые кредиты оценивается на довольно высоком уровне (85% предприятий).

В потребительском сегменте первые три месяца 2016 г. продемонстрировали рост объемов банковского кредитования на 36% по сравнению с тем же периодом прошлого года (1,5 трлн руб. против 1,1 трлн). Динамика в жилищном кредитовании была еще выше – плюс 46% (326 млрд руб. против 223 млрд). При этом доля таких кредитов в общей задолженности населения перед банками достигла 39% по сравнению с 30% в конце 2014 г.

В I квартале этого года объем полученных кредитов составил 13% от денежных доходов домохозяйств (в I квартале 2014 г. он составлял 20%). На возврат полученных кредитов теперь направляется 14% доходов, два года назад – 17%. В целом же долговая нагрузка на доходы населения постепенно снижается со второй половины 2014 г., когда на обслуживание кредитной задолженности у домашних хозяйств уходило 11,8% располагаемых доходов. Теперь она снизилась до 9,7%.

Рост кредитной активности населения, который зафиксирован с начала года, происходит в условиях продолжающегося падения реальных доходов. Вероятно, мы наблюдаем стремление компенсировать снижение доходов (и соответственно потребления) заемными средствами. Тем более что радикального ухудшения на рынке труда не наблюдается.

В первые месяцы 2016 г. рынок труда пришел в состояние относительного равновесия, не слишком, правда, стабильного. Основные показатели – зарплата, безработица, неполная занятость – близки к уровню прошлого года. Уровень безработицы в I квартале этого года (по сравнению с аналогичным периодом 2015 г.) вырос всего на 75 тыс. чел. и остается одним из самых низких за историю наблюдений, количество занятых неполный рабочий день увеличилось за весь 2015 г. на 112 тыс. чел. Но, во-первых, статистика охватывает лишь крупные и средние предприятия. Во-вторых, ситуация сильно различается по регионам. Например, безработица выросла в 51 регионе, а в 32 – снизилась, по неполной занятости это соотношение 45 – 36, а в трех регионах ее уровень не менялся. ●

1. ДЕКОМПОЗИЦИЯ ТЕМПОВ РОСТА ВВП 2016–2019 ГГ.: В ОЖИДАНИИ СТРУКТУРНЫХ ПЕРЕМЕН

С.Дробышевский, М.Казакова

Расчеты по декомпозиции темпов роста ВВП РФ за период с 1999 по 2015 гг. и прогноза МЭР на 2016–2019 гг. показывают, что в текущих условиях единственным источником роста экономики могут быть конъюнктурные составляющие, связанные с выходом в положительную фазу внутреннего бизнеса-цикла. Однако их недостаточно для достижения темпов роста в 4% и более. Для этого требуется серьезное повышение и структурных темпов роста экономики. В частности, при сохранении на текущем уровне совокупной факторной производительности необходимо дополнительное привлечение в экономику трудовых ресурсов в размере около 4,5 млн человек, а также дополнительные 40 трлн руб. инвестиций в основной капитал в целом за период 2016–2018 гг.

В середине мая 2016 г. была создана рабочая группа Экономического совета при Президенте РФ по направлению «Приоритеты структурных реформ и устойчивый экономический рост» под руководством председателя ЦСР А.Л. Кудрина. Согласно распоряжению Президента РФ, одним из основных направлений деятельности рабочей группы является «определение актуальных проблем, препятствующих обеспечению устойчивого экономического роста и осуществлению структурных реформ, выработка предложений по их решению»¹. В связи с этим в условиях продолжающейся стагнации российской экономики, а также приближающихся выборов в 2016 и 2018 гг. возобновилась дискуссия о факторах устойчивого долгосрочного экономического роста. В частности, на повестке дня сейчас разработка мер, необходимых для достижения темпов роста ВВП РФ в 4% к 2019 г.²

В начале мая Минэкономразвития выпустило обновленную версию прогноза социально-экономического развития России, разработанного на трехлетний период (до 2019 г.). Прогноз традиционно содержит три сценария – базовый, консервативный и целевой. Как отмечается в документах МЭР, «прогноз рассматривает развитие российской экономики в условиях сохраняющейся геополитической нестабильности, применения к России на протяжении всего прогнозного периода санкционного режима со стороны ЕС и США, поддерживающего жесткие ограничения доступа российских компаний к мировому рынку капитала, и ответных экономических мер»³.

Базовый сценарий прогноза предусматривает умеренное экономическое развитие России на фоне снижения потребительского спроса вви-

1 Распоряжение № 122-рп от 16 мая 2016 г. «Об утверждении Положения о рабочей группе Экономического совета при Президенте Российской Федерации по направлению «Приоритеты структурных реформ и устойчивый экономический рост» и ее состава».

2 См., например: <http://www.interfax.ru/business/509695>.

3 <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/20160506>

ду сдержанного роста социальных обязательств государства. Так, темпы роста экономики в рамках этого сценария составят 0,2% к предыдущему году в 2016 г. с последующим их повышением до 2,2% при цене на нефть Urals на уровне 40 долл./барр. в 2016–2019 гг.

Развитие экономики России в рамках консервативного сценария будет происходить в менее благоприятных условиях, а именно: среднегодовая цена на нефть упадет до 25 долл./барр. и сохранится на этом уровне до 2019 г. При этом динамика основных макроэкономических показателей РФ будет носить выраженный негативный характер. Так, в 2016 г. спад ВВП составит 2,1% относительно предыдущего года с последующей стабилизацией в 2017 г. и выходом на положительные значения в 2018–2019 гг. на уровне 0,7–1,6%.

«Целевой вариант ориентирует на достижение целевых показателей социально-экономического развития и решение задач стратегического планирования»¹ и предполагает достижение макроэкономической сбалансированности и выход экономики РФ на траекторию устойчивого роста ВВП на уровне не ниже среднемирового (т.е. достижение к 2019 г. темпов роста ВВП в 4,5% по отношению к предыдущему году). МЭР предполагает, что в рамках целевого сценария развитие экономики будет происходить при условиях торговли, аналогичных базовому, однако в его основе будет лежать новая, инвестиционная модель развития при сдержанном росте социальных обязательств государства и бизнеса в первые годы рассматриваемого периода.

Таким образом, лишь один из предложенных МЭР сценариев предполагает возможность достижения желаемых темпов роста в 4% к 2019 г. Более того, мы полагаем, что в рамках описанных выше предпосылок и внешних условий достижение даже базового сценария требует серьезных изменений во внутренних условиях развития экономики.

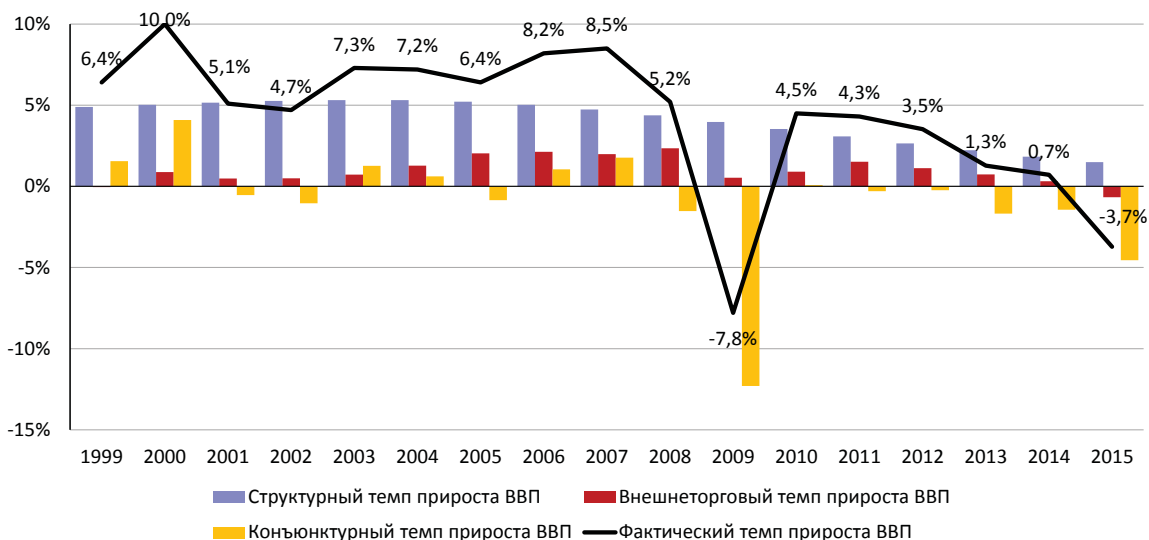
Это подтверждается результатами декомпозиции прогнозных значений темпов роста ВВП на основе разработанной Институтом Гайдара методики, в основе которой лежит алгоритм разложения темпов роста ВВП на составляющие, применяемый в странах ОЭСР и адаптированный к специфике российской экономики, существенно зависящей от условий торговли². Декомпозиция была произведена на базе основных параметров сценарного прогноза социально-экономического развития России в 2016–2019 гг.

Динамика фактического темпа роста российского ВВП, а также полученных по результатам декомпозиции его структурной, внешнеторговой и конъюнктурной (суммы компонент бизнес-циклов и случайных шоков) составляющих для периода с 1999 по 2015 гг. представлена на *рис. 1*.

Наши расчеты показывают, что структурная компонента роста ВВП замедляется с 2005 г. и в 2015 г. составляет 1,5%. Эта тенденция обусловлена негативной динамикой фундаментальных факторов экономического роста: снижение численности экономически активного населения (т.е.

1 <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/20160506>

2 Более подробно данная методика описана в статье Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // *Экономическая политика*. 2014. № 5. С. 7–37, а также в монографии *Декомпозиция темпов роста ВВП России / С. Синельников-Мурылев [и др.]*. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 128 с. : (Научные труды / Ин-т экон. политики им. Е.Т. Гайдара; № 167Р).

Источник: Росстат, МЭР, МВФ, расчеты авторов.

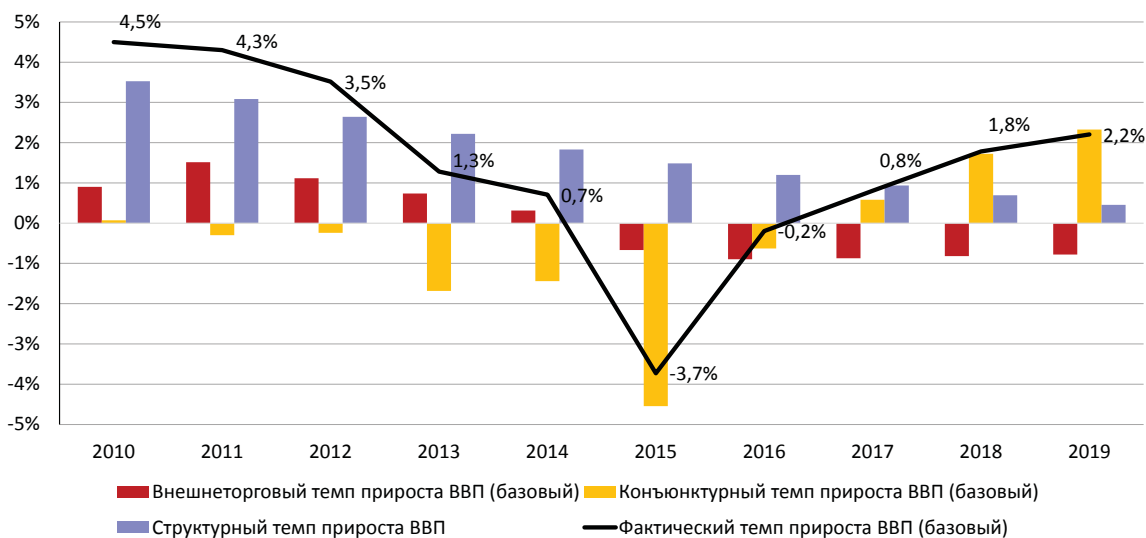
Рис. 1. Фактический темп прироста ВВП и его составляющие, % к предыдущему году, 1999–2015 гг.

фактора труда) вследствие неблагоприятных демографических тенденций, тогда как темпы прироста основных фондов (служащих прокси-переменной для фактора капитала) замедляются. Кроме того, снижение структурной составляющей роста объясняется снижением совокупной факторной производительности (СФП), включающей в себя вклад прочих факторов роста, помимо труда и капитала.

Что касается конъюнктурной составляющей темпов роста российского ВВП, то, как видно из рис. 1, в 2013–2015 гг. она находилась в отрицательной области (достигая -4,6% в 2015 г.), что, скорее всего, было обусловлено шоком, представляющим собой комбинацию негативных последствий от экономических санкций и контрсанкций, роста неопределенности и рисков в экономике в условиях крайне волатильного курса рубля, повышения инфляции и сокращения доступности заемного капитала.

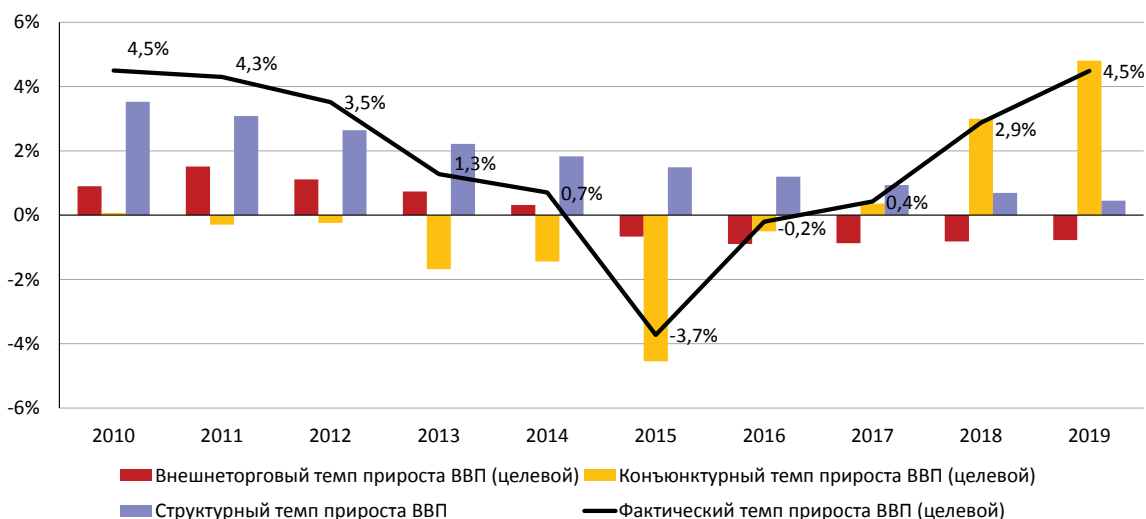
Рассматривая декомпозицию прогнозных темпов роста ВВП в 2016–2019 гг. для базового и целевого сценариев, отметим, что заложенные во все сценарии прогноза уровни мировых цен на нефть в 2016–2019 гг. находятся ниже средних многолетних уровней (80–85 долл./барр.), что объясняет отрицательные значения внешнеторговой компоненты темпов роста ВВП в указанные годы (см. рис. 2–3).

Декомпозиция темпов роста в 2016–2019 гг. показывает, что реализация прогнозируемых темпов роста российского ВВП в условиях, когда цены на нефть остаются ниже средних многолетних, а структурная составляющая снижается ввиду отсутствия роста фундаментальных факторов экономического развития и СФП, возможна только за счет конъюнктурной компоненты. Например, в рамках базового и консервативного сценариев она должна вырасти до 2,3% к 2019 г., а при целевом сценарии – до 4,8%. Такой рост конъюнктурной составляющей может быть результатом либо резкого ускорения роста циклического ВВП после «ухода в прошлое» негативного шока, наблюдавшегося в 2015 г., либо при предположении о сохранении экономики в нижней фазе делового цикла, заметного положительного шока, природа которого не представляется очевидной.

Источник: Росстат, МЭР, МВФ, расчеты авторов.

Рис. 2. Темп прироста ВВП и его составляющие, % к предыдущему году, 2010–2019 гг. (базовый сценарий прогноза)

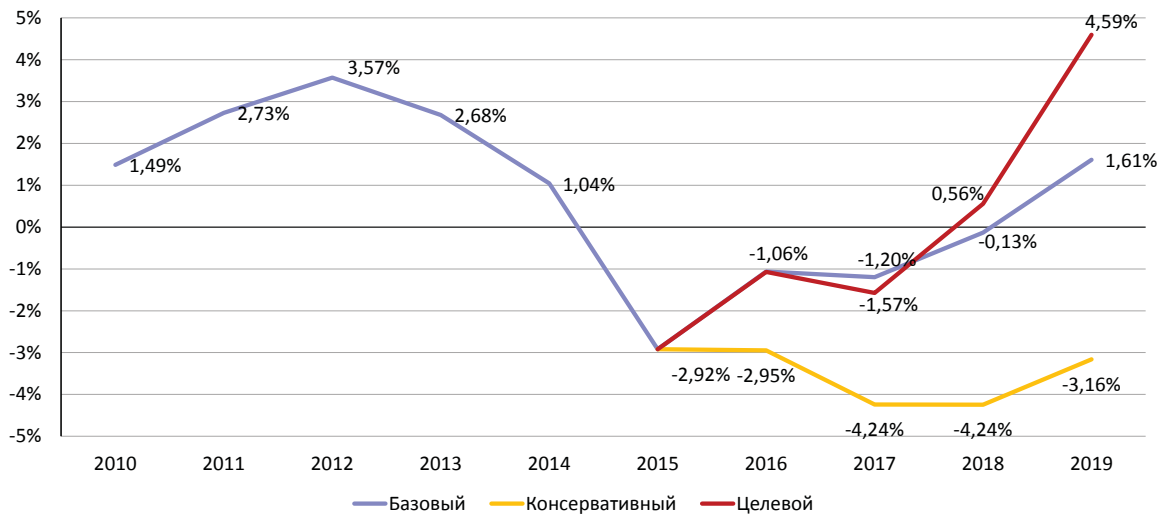

Источник: Росстат, МЭР, МВФ, расчеты авторов.

Рис. 3. Темп прироста ВВП и его составляющие, % к предыдущему году, 2010–2019 гг. (целевой сценарий прогноза)

Оцененный на основе декомпозиции разрыв выпуска (отклонения ВВП от естественного объема выпуска) показан на рис. 4. В 2015 г. разрыв выпуска опустился в отрицательную область в условиях реализации базового и целевого сценариев МЭР и остается в ней на протяжении трех лет, до 2018 г. При реализации консервативного сценария отрицательный разрыв на протяжении рассматриваемого периода остается отрицательным в диапазоне 3–4%.

В связи с полученными результатами возникает вопрос о том, какие факторы могли бы способствовать реализации заложенных МЭР параметров целевого сценария прогноза. Во-первых, как показано выше, российская экономика не может полагаться на благоприятные условия торговли, поскольку в течение всего прогнозируемого периода ожида-

Источник: расчеты авторов.

Рис. 4. Разрыв в выпуске российской экономики (%), 2010–2019 гг. (прогноз по трем сценариям)

ется весьма умеренный уровень цен на нефть, намного ниже среднего многолетнего. Во-вторых, никаких предпосылок для роста циклической компоненты тоже нет.

Таким образом, *повышение структурной компоненты остается единственным способом достижения желаемых темпов экономического роста*. Другими словами, условием реализации самого оптимистичного сценария, а именно достижения к 2019 г. устойчивых темпов роста ВВП на уровне среднемировых (порядка 4% относительно предыдущего года), является значительное ускорение роста фундаментальных факторов, обеспечивающих создание ВВП. По нашим расчетам, при сохранении на текущем уровне СФП (а данная предпосылка выглядит вполне реалистично в условиях сохранения санкций и отсутствия притока иностранного капитала, описанных МЭР), для достижения этой цели требуется дополнительное привлечение в экономику трудовых ресурсов в размере порядка 4,5 млн человек, а также дополнительные 40 трлн руб. инвестиций в основной капитал в целом за период 2016–2018 гг. ●

2. НАЛОГОВЫЙ МАНЕВР: УСКОРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В УЩЕРБ БЮДЖЕТНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Г.Идрисов, А.Каукин

Реформа налогообложения нефтяной и нефтеперерабатывающей отраслей 2014 г. – «налоговый маневр» – была направлена на повышение эффективности отечественной нефтепереработки. В конце 2015 г. запланированное ранее снижение экспортной пошлины было заморожено с целью сохранения объема собираемых налогов в новых условиях торговли. Однако наши расчеты показывают, что полная реализация налогового маневра не только приведет к выполнению поставленной задачи, но и позволит не допустить повышения оптовых и розничных цен на нефтепродукты, а также будет способствовать повышению добавленной стоимости, производимой отечественным нефтеперерабатывающим сектором.

Разработанные в 2014 г. и законодательно закрепленные меры по поэтапному снижению экспортной пошлины на нефть при одновременном повышении НДС, условно называемые «налоговым маневром»¹, призваны устранить неэффективное субсидирование отечественной экономики заниженными ценами на нефть². Механизм такого субсидирования должен был заключаться в том, что с использованием дешевой нефти³ будут произведены дешевые нефтепродукты, которые создадут для отечественных предприятий конкурентное преимущество и позволят снизить издержки. Однако на практике такой механизм не работает – почти всю передаваемую субсидию поглощает отечественная нефтепереработка⁴, производя в мировых ценах отрицательную добавленную стоимость (см. рис. 1), а до конечных потребителей субсидия не доходит. Производство отрицательной добавленной стоимости означает, что за счет продажи на экспорт каждой тонны нефти, направляемой в российскую нефтепереработку, можно по мировым ценам купить полную корзину производимых нефтепродуктов, сэкономив примерно 25% средств.

Политическое и экономическое противоречие, с которым сталкивается проведение налогового маневра на практике, заключается в том, что его реализация «не создает стимулов к повышению добычи нефти»⁵.

1 Параметры налогового маневра на 2017 г.: базовая ставка НДС меняется с 857 на 919 руб./т; коэффициент при цене Urals в формуле ЭП (экспортной пошлины) на нефть меняется с 0,42 на 0,30, коэффициент в формуле ЭП на бензин при ставке ЭП на нефть меняется с 0,48 на 0,3, на мазут – с 0,76 на 1,0; акциз на бензин меняется с 10130 на 7430 руб./т.

2 О предпосылках проведения налогового маневра см. Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г., Экспортная пошлина на нефть: отменить нельзя сохранить // Журнал «Нефть России». № 12, декабрь 2011. С. 72–77, Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г. Модернизация или консервация: роль экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты // Экономическая политика. 2012. № 3. С. 5–19.

3 В результате действия экспортной пошлины цены на нефть внутри России ниже мировых.

4 В текущих ценах примерно 1,4% ВВП.

5 В 2011–2014 гг. на экспертных совещаниях по обсуждению параметров налогового маневра этот аргумент был основным для сдерживания реформы.

Действительно, налоговым маневром предполагалось¹, что для каждой экспортной тонны нефти величина отмененной экспортной пошлины должна быть заменена НДС, а для каждой подорожавшей тонны нефти на внутреннем рынке НДС должен изъять дополнительную прибыль. Такой маневр позволяет высвободить дополнительный бюджетный ресурс, ранее передававшийся российской нефтепереработке, который может быть использован для снижения акцизов или точечного субсидирования отдельных социально-значимых и энергоемких видов деятельности (северный завоз, посевная кампания, закупки для армии).

В такой конфигурации ВИНКом (вертикально интегрированным компаниям) невыгодно повышать добычу. В результате именно «торг» между стимулированием выпуска нефтяной отрасли и величиной высвобождаемого бюджетного ресурса является краеугольным камнем проведения налогового маневра в России².

Фактически законодательно была принята некоторая промежуточная версия, в которой экспортная пошлина снижается не быстро и не до нуля, НДС повышается на величину, полностью не компенсирующую снижение пошлины так, чтобы у нефтяных компаний от налогового маневра была прибыль, и они хотели наращивать добычу. При этом бюджетными аспектами пожертвовали – в текущей конфигурации налогового маневра он почти нейтрален для бюджета.

1 Первоначальные расчеты см. в Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г., Модернизация или консервация: роль экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты // Экономическая политика. 2012. № 3. С. 5–19.

2 Примером такого торгового маневра является, в частности, заложенная в бюджет на 2016 г. заморозка запланированного, согласно налоговому маневру 2014 г., снижения экспортной пошлины. Мотивация этого решения – стремление не допустить снижения объема собираемых налогов при новых условиях торговли. Подробнее см. Бобылев Ю., Идрисов Г., Каукин А., Расенко О. Нефть, бюджет и налоговый маневр // ОМЭС, № 15 (ноябрь 2015), С. 11–14. Необходимо отметить, что увеличение налоговой нагрузки с точки зрения нефтяных компаний было достаточно безболезненным. Это связано с тем, что новый уровень цен на нефть был приемлемым для производителей, так как, во-первых, большая часть издержек отрасли номинирована в рублях, а, во-вторых, падение нефтяных цен в большей степени отразилось на доходе государства, а не нефтяников. Подробнее см. Идрисов Г., Каукин А., Моргунова О., Турунцева М. Два полюса российской промышленности // ОМЭС, № 11 (сентябрь 2015), С. 19–22.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НЕФТЕПЕРЕРАБОТКА	
ЗАТРАТЫ	ПРОИЗВОДСТВО
Поступление нефти в нефтепереработку 282 млн тонн × × Мировая цена российской экспортной нефти 51 долл./баррель = 105 МЛРД ДОЛЛ.*	Бензин 39 млн тонн × × Экспортная цена российского бензина 24 руб./литр Дизельное топливо 75 млн тонн × × Экспортная цена российского д/т 26 руб./литр Мазут и прочие нефтепродукты 71 млн тонн × × Экспортная цена мазута 16 руб./литр = 80 МЛРД ДОЛЛ.
Суммарная добавленная стоимость в мировых ценах = -25 млрд долл. (24% стоимости входящей нефти)	

* по затратам представлена оценка снизу без учета затрат на ФОТ и прочих затрат отрасли.

Источник: Росстат, ФТС, расчеты авторов.

Рис. 1. Добавленная стоимость российской нефтепереработки в ценах 2015 г.

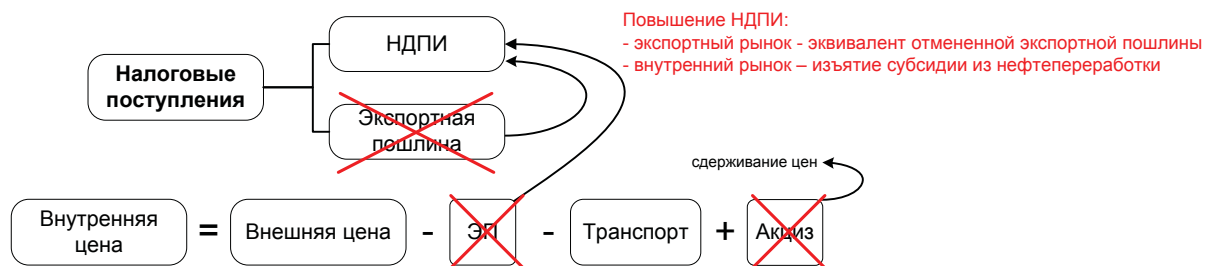
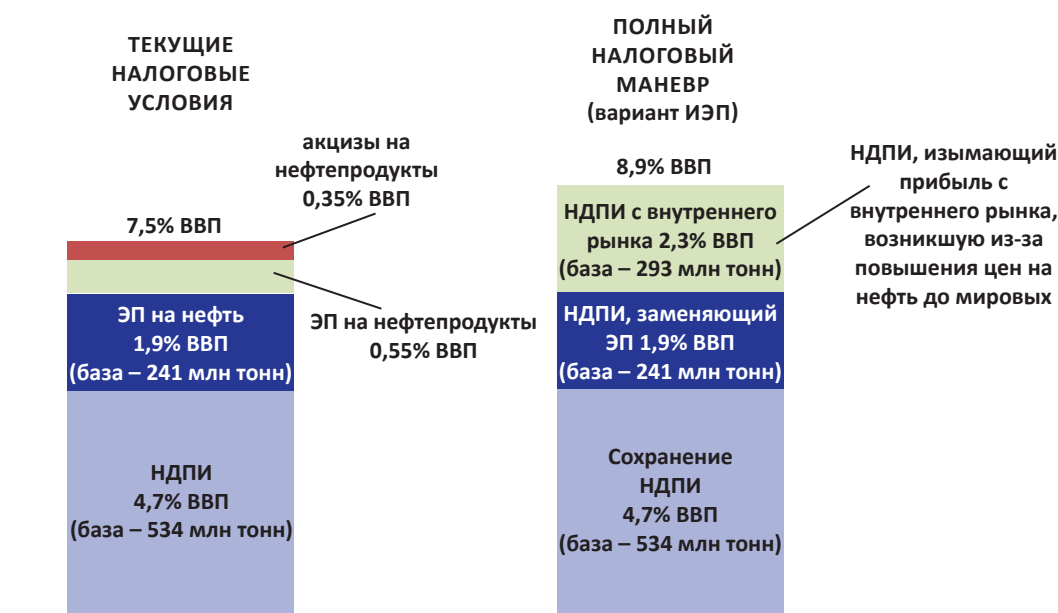

Рис. 2. Иллюстрация налогового маневра

Для иллюстрации того, что может происходить дальше, мы провели модельные расчеты¹ в трех вариантах. Первый – это реализация налогового маневра согласно параметрам, заложенным в НК (Налоговый кодекс РФ) на 2017 г.; второй – реализация налогового маневра согласно параметрам НК на 2017 г., за исключением ставки экспортной пошлины на нефть, которая замораживается на текущем уровне (такие изменения были временно инициированы правительством в конце 2015 г.); третий – полная реализация налогового маневра согласно рекомендациям ИЭП: обнуление ставок экспортных пошлин и акциза на бензин, повышение базовой ставки НДПИ. При этом мы рассматривали три варианта реализации условий торговли (цена на нефть в сочетании с обменным курсом, см. табл. 1).

Источник: Росстат, ФТС, расчеты авторов.

Рис. 3. Объемы налоговых поступлений в различных конфигурациях налогообложения нефтяного и нефтеперерабатывающего секторов, в ценах 2015 г., сценарное значение обменного курса – 60 руб./долл., сценарное значение цены на нефть – 50 долл./барр.

1 Методология расчетов для российских нефтепродуктов и нефти представлена в работах Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г., Экспортная пошлина на нефть: отменить нельзя сохранить // Журнал «Нефть России». № 12, декабрь 2011, С. 72–77; Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г., Модернизация или консервация: роль экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты // Экономическая политика. 2012. № 3. С. 5–19.

Безусловно, реализация варианта, который мы предлагаем – нейтральный для налоговой нагрузки и положительный для бюджета налоговый маневр – сложна политически. Однако при текущих низких ценах на нефть при бюджетном эффекте в 1,4 п.п. ВВП у него появился дополнительный плюс – за счет снижения акцизов можно добиться полного сдерживания роста цен на нефтепродукты¹. При этом с экономической точки зрения различные альтернативы понятны и имеют вполне прозрачную интерпретацию: выбор состоит между тем, чтобы изъять из нефтяного сектора субсидию, формируемую дешевой нефтью и добиться производства положительной добавленной стоимости, или тем или иным путем оставить субсидию, передавая ресурсную ренту государства ВИНКом, и рассчитывать на рост объемов добычи, приводящих к росту реального ВВП.

1 А если отменить акцизы полностью, то согласно модельным расчетам можно добиться даже снижения цен.

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСЧЕТОВ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРОВЕДЕНИЯ НАЛОГОВОГО МАНЕВРА В РАЗЛИЧНЫХ МОДИФИКАЦИЯХ И ПРИ РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ ТОРГОВЛИ

	Текущие налоговые условия	Реализация налогового маневра согласно параметрам НК (повышение НДС, снижение ЭП и акцизов)	Реализация налогового маневра согласно параметрам НК (повышение НДС, снижение ЭП и акцизов), цена Urals = 50 долл./барр.	Налоговый маневр с заморозкой ЭП	Полная реализация налогового маневра, рекомендации ИЭП (повышение НДС, обнуление ЭП и акцизов)
Рост цены на бензин, %					
В рознице для населения		-1,80		-5,95	-7,48
В опте для пром. предприятий		-2,49		-6,78	-9,38
Объем бюджетных поступлений, % ВВП					
От НДС на нефть	4,70	5,04	5,04	5,04	8,92
От экспортной пошлины на нефть	1,91	1,51	1,51	1,91	0,00
От экспортной пошлины на нефтепродукты	0,55	0,46	0,46	0,55	0,00
От акцизов на нефтепродукты	0,36	0,28	0,28	0,28	0,00
Изменение объема бюджетных поступлений, п.п. ВВП		-0,22		0,27	1,40
		Курс рубля = 70 руб./долл., цена Urals = 40 долл./барр.			
Рост цены на бензин, %					
в рознице для населения		-2,65		-5,95	-8,95
в опте для пром. предприятий		-3,37		-6,78	-10,91
Объем бюджетных поступлений, % ВВП					
от НДС на нефть	3,92	4,20	4,20	4,20	7,43
от экспортной пошлины на нефть	1,58	1,30	1,30	1,58	0,00
от экспортной пошлины на нефтепродукты	0,46	0,40	0,40	0,46	0,00
от акцизов на нефтепродукты	0,36	0,28	0,28	0,28	0,00
Изменение объема бюджетных поступлений, п.п. ВВП		-0,13		0,21	1,12
		Курс рубля = 80 руб./долл., цена Urals = 30 долл./барр.			
Рост цены на бензин, %					
в рознице для населения		-3,94		-5,95	-11,26
в опте для пром. предприятий		-4,70		-6,78	-13,31
Объем бюджетных поступлений, % ВВП					
от НДС на нефть	2,69	2,88	2,88	2,88	5,10
от экспортной пошлины на нефть	1,07	0,96	0,96	1,07	0,00
от экспортной пошлины на нефтепродукты	0,31	0,29	0,29	0,31	0,00
от акцизов на нефтепродукты	0,36	0,28	0,28	0,28	0,00
Изменение объема бюджетных поступлений, п.п. ВВП		0,00		0,12	0,68

Источник: Росстат, ФТС, расчеты авторов.

3. НАСТРОЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В МАЕ 2016 Г.: НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО И НЕ ОЧЕНЬ ПЛОХО

С.Цухло

Позитивная динамика спроса и выпуска промышленной продукции при минимальных излишках запасов готовой продукции сочетается в мае 2016 г. с ростом неуверенности в будущем спросе. Нет оптимизма в отношении инвестиционных планов, но нет и пессимизма в отношении способности обслуживать взятые кредиты.

Спрос, запасы и выпуск промышленности

Динамика спроса в марте-мае 2016 г. демонстрирует неожиданно стабильные для этих месяцев исходные балансы изменений продаж промышленной продукции. Даже май, лишенный части рабочих дней, не смог снизить объемы спроса и оставил разность ответов «рост» и «снижение» на уровне марта-апреля. В итоге очистка от сезонности вывела майский баланс изменений спроса на лучшее значение с февраля 2014 г.

Определенно позитивная динамика спроса последних месяцев увеличила удовлетворенность его объемами с начала года на 15 п.п. В результате сейчас 54% российских промышленных предприятий считают продажи своей продукции нормальными.

Однако прогнозы спроса, в марте-апреле уверенно набравшие оптимизм по очищенным от сезонного и календарного фактора данным, в мае неожиданно рухнули на 8 пунктов. Промышленность, похоже, не уверена в сохранении такой позитивной динамики спроса, с которой она «столкнулась» в последние месяцы. Пессимизм чиновников и аналитиков тоже не способствует росту оптимизма ожиданий предприятий.

Оценки запасов готовой продукции подтверждают вывод о позитивной динамике спроса в последние месяцы. «Избыточность» запасов в марте 2016 г. резко (на 6 пунктов) снизилась (+2 – +3 пункта). В мае формирование баланса оценок произошло при сокращении как доли оценок «выше нормы», так и доли оценок «ниже нормы». В результате доли этих ответов (10 и 7% соответственно) достигли исторических минимумов за весь (1992–2016 гг.) период инструментальных наблюдений за оценками (не объемами!) запасов в российской промышленности. Оценки же запасов как «нормальных» по-прежнему остаются стабильными и находятся в интервале 70–72%.

Снижение доли определенных оценок запасов («выше нормы», «нормальные», «ниже нормы») произошло за счет роста доли ответов «нет ответа», что отражает рост непонимания в промышленности, какой *физический* объем запасов адекватен текущей ситуации. В мае 2016 г. отказ от оценок своих запасов достиг 11% и превысил, таким образом, долю ответов «выше нормы» или «ниже нормы». Хотя еще в январе 2016 г. отказывались от определенных оценок своих запасов только 5% предприятий.

Аналогичный высокий уровень отказа от определенных оценок своих запасов готовой продукции регистрировался опросами ИЭП в 2000–2002 гг. Тогда предприятия, поверив, наконец, в устойчивость промыш-

ленного роста после дефолта 1998 г., переходили от политики жесткой минимизации своих запасов к управляемому поддержанию их разумного избытка, а затем – к явному преобладанию оценок «нормальные». Эти переходы и сопровождались логичным ростом неопределенности оценок запасов готовой продукции. С середины 2003 г. до середины 2015 г. неуверенность в оценках запасов не превышала 5% в среднем за квартал. Однако в конце 2015 г. и начале 2016 г. этот показатель поднялся до 7%, а по среднему уровню первых двух месяцев II квартала 2016 г. составил уже 10%.

Фактическая динамика выпуска в мае тоже демонстрирует позитив: очищенный от сезонности баланс изменений (темп роста) промышленного производства достиг максимальных с октября 2014 г. значений.

Однако планы выпуска российской промышленности, преодолевшие в марте-апреле худшие для текущего кризиса ожидания января-февраля 2016 г., престаи набирать оптимизм и сократились в мае на 3 пункта. Предприятия, вероятно, не уверены в сохранении новейших позитивных тенденций. Это вполне логично в условиях резко негативной корректировки майских прогнозов спроса.

Обеспеченность промышленности мощностями

В условиях постоянно откладывающегося восстановления промышленного роста промышленность пересматривает свои оценки обеспеченности мощностями и кадрами. И что совершенно логично – в сторону их лучшего обеспечения.

Недостаток мощностей в связи с ожидаемыми промышленностью изменениями спроса на выпускаемую продукцию опустился во II квартале 2016 г. до 5%. Это – почти минимальный уровень нехватки оборудования за весь период мониторинга показателя с 1993 г. Меньший дефицит мощностей (3%) регистрировался опросами ИЭП в преддефолтный период, в апреле 2009 г. и в январе 2013 г. Дефицит кадров в промышленности сейчас выше, но тоже снизился по сравнению с началом 2016 г. Последнее значение показателя – 9% – является минимальным с января 2010 г.

Максимальный дефицит мощностей на отраслевом уровне составляет сейчас 10% (отмечается 10% предприятий отрасли) и зарегистрирован в химической промышленности, лесной промышленности и строительной индустрии. Однако этот дефицит в отраслях (кроме леспрома) компенсируется существенным навесом избыточных мощностей: 30% – в химпроме и 48% – в стройиндустрии. Дефицит мощностей в машиностроении и легкой промышленности во II квартале 2016 г. составляет 6%, но тоже компенсируется их избытком в 28% и 56% соответственно. Среднегодовые данные по дефициту мощностей в отраслях (в 2016 г. – за первые два квартала) отражают достаточно скромные текущие масштабы этого явления, которые к тому же во всех случаях (кроме леспрома) перекрываются существенным навесом избыточных мощностей.

Цены предприятий

В мае российская промышленность остановила рост своих цен: баланс их фактических изменений (темп роста) снизился с +9 апрельских пунктов до +1 майского пункта и стал минимальным значением этого показателя в 2016 г. Впрочем, в 2015 г. промышленности удавалось снизить

баланс и до -2 п.п. Однако крайне скромный рост цен в мае вряд ли сохранится в следующие месяцы. Баланс ценовых прогнозов предприятий вырос в мае на 9 пунктов после достижения в апреле минимальных для 2016 г. +7 пунктов.

Оценка точности прогнозов (планов) трех основных показателей (спроса, выпуска и цен) показывает, что российским промышленным предприятиям точнее всего удавалось прогнозировать изменение собственных цен. Точность ценовых прогнозов достигала в некоторые годы в среднем 73–74%, а в отдельные месяцы – 80%. Худшая (60%) точность прогнозов цен была получена в последефолтные 1999–2002 гг. Точность прогнозов текущего 2016 г. по четырем месяцам составляет в среднем 69%. А апрельский прогноз реализовался в мае у 80% предприятий, что является максимальным результатом этого показателя.

Анализ ошибок ценовых прогнозов (их доля дополняет долю точных прогнозов до 100%) показывает, что российская промышленность устойчиво ошибалась в сторону завышения своих предсказаний. В результате баланс ошибок (завышенные минус заниженные) за редчайшими и незначительными исключениями оказывался положительным. Особенно значительны и продолжительны (несмотря на промахи) ошибки были в 1999–2002 гг. Тогда доля ошибочно завышенных прогнозов достигала рекордных 30% против 7–9% ошибочно заниженных прогнозов.

Перед стартом кризиса 2008–2009 гг. промышленность тоже стала чаще и значительнее завышать свои ценовые прогнозы, хотя начавшееся сжатие спроса заставляло затем предприятия проводить более аккуратную фактическую ценовую политику. В июне-октябре 2008 г. баланс ошибок прогнозов цен находился в интервале +14 – +17 пунктов при точности прогнозов на уровне 70%.

Совсем иную ценовую политику российская промышленность проводила в преддверии кризиса 2014–2016 гг. С марта 2014 г. (начало геополитической напряженности) точность ценовых прогнозов предприятий стала устойчиво расти и достигла в августе того же года абсолютного рекорда в 81%. При этом баланс ошибок вырастал в «лучшем» случае до 6 пунктов, а с августа 2014 г. он стал нулевым, т.е. ошибки прогнозов взаимно уравновешивали друг друга. С запуском российскими антисанкциями инфляционной волны и приближением к роковому декабрю 2014 г. ценовые прогнозы промышленности начали снижать свою точность: в конце года показатель потерял 17 пунктов и откатился к уровню минимумов 2005–2014 гг. Однако баланс ошибок прогнозов цен оставался в окрестностях нуля до августа 2015 г.

Инвестиционные планы и проблемы промышленности

Инвестиционные планы предприятий закрепились в мае на уровне умеренного пессимизма января-февраля 2016 г. после демонстрации в марте кризисного максимума показателя. Таким образом, российская промышленность до сих пор не может решиться на положительную динамику инвестиций. Пока у нее получилось только снизить инвестиционный пессимизм с -36 пунктов в феврале 2015 г. до -2 пунктов в марте 2016 г., но в апреле-мае 2016 г. удержать достигнутый результат не удалось.

Хотя основной (самой массовой) помехой инвестированию в собственное производство предприятия до сих пор считают «нехватку соб-

ственных финансовых средств», значимость этого фактора в 2016 г. опустилась до исторического минимума всего периода мониторинга 1996–2016 гг. Сейчас только половина предприятий считают указанный фактор помехой (худший результат – 91% – был получен в 1998 г.). Второе место (с 44%) в рейтинге помех инвестированию предприятия отдали высоким ценам на оборудование и высокому проценту по кредитам. Но если процент по кредитам стал упоминаться в текущем году реже на 4 п.п., то высокие цены оборудования – на 2 п.п. чаще, чем в 2015 г. Таким образом, ни одно из ограничений второго уровня не претерпело в 2016 г. существенного изменения своего влияния на инвестиционную активность российской промышленности.

Самый большой рост (на 7 п.п.) сдерживающего влияния в 2016 г. по сравнению с 2015 г. продемонстрировали три других фактора. До 32% выросла неуверенность в скором оживлении российской экономики, хотя еще в 2013 г. такая неуверенность мешала инвестированию только 21% предприятий, а в 2014 и 2015 гг. она возростала на скромные 2 п.п. в год.

Таким образом, затяжной характер текущего кризиса с туманной перспективой его завершения оказывает все более значительное сдерживающее влияние на инвестиционную активность российской промышленности. Трудности получения долгосрочного кредита стали помехой в 2016 г. для 26% предприятий, тогда как до кризиса 2014–2016 гг. на этот фактор жаловались только 10% предприятий. Получается, что за два кризисных года российские банки существенно усложнили получение инвестиционных кредитов промышленными предприятиями при снижении ставки по ним. Особенности национального инвестиционного климата плохо сказываются на инвестиционных намерениях 15% предприятий, притом что в 2013–2015 гг. на них жаловались только 6–9% предприятий.

Кредитование российской промышленности

Майские оценки отразили сохранение прежнего уровня нормальной доступности кредитов для российской промышленности, которая с января 2016 г. оценивается предприятиями в среднем в 50% с колебаниями в интервале 49–51%. Таким образом, еще по одному экономическому индикатору в 2016 г. достигнута та самая стабильность, которой гордятся власти. При этом минимальная ставка, которую банки предлагают предприятиям, снизилась за 5 месяцев 2016 г. с 16,4 до 15,7% годовых в рублях. Общее снижение этого показателя с августа 2015 г. (т.е. с момента удержания Банком России ключевой ставки на уровне 11%) составило 0,9 п.п.

Способность промышленности обслуживать кредиты сохраняется на высоком уровне. Во II квартале 2016 г. об этом заявили 85% предприятий, пользующихся кредитами. Максимум (88%) указанный показатель достигал в августе 2014 г.

В то же время баланс планов заимствований претерпел во II квартале 2016 г. резкое (на 11 п.п.) снижение по сравнению с замером I квартала 2016 г. А снижение по сравнению с IV кварталом 2015 г. составило уже 17 п.п. В результате максимум планов заимствований (+24 п.п.) за два квартала сменился минимумом (+7 п.п.) пятилетнего мониторинга показателя. Российская промышленность все меньше нуждается в кредитовании такого промышленного роста. ●

4. БАНКОВСКОЕ КРЕДИТОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ДОЛГОВАЯ НАГРУЗКА СНИЖАЕТСЯ

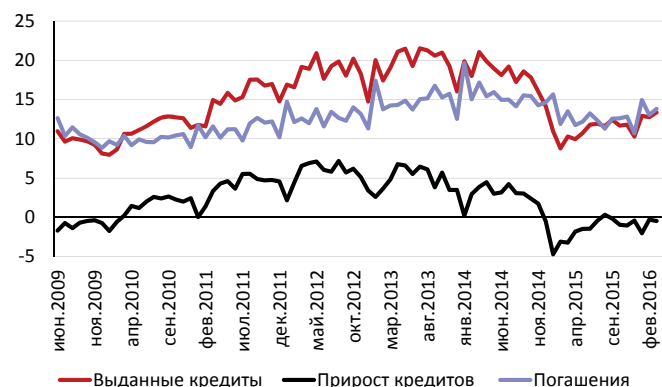
М.Хромов

В 2016 г. возобновился рост объемов банковского кредитования, однако пока его уровень остается ниже показателей 2014 г. и не достаточно для прекращения снижения объемов кредитной задолженности населения. Происходит смещение структуры задолженности населения по банковским кредитам в пользу более длинных и более дешевых кредитов на покупку жилья. Это ведет к снижению долговой нагрузки на располагаемые доходы домашних хозяйств.

В I квартале 2016 г. объемы банковского кредитования физических лиц начали восстанавливаться после резкого падения в 2015 г. Объем кредитов, выданных банками населению за первые три месяца 2016 г., составил 1,5 трлн руб., что на 36% больше, чем годом ранее (1,1 трлн руб.). Более активный рост наблюдался в жилищном кредитовании, объемы которого увеличились на 46% с 223 млрд руб. в I квартале 2015 г. до 326 млрд руб. в I квартале 2016 г. Динамика выдачи прочих кредитов была более скромной, их объем в I квартале 2016 г. вырос на 33% по сравнению с соответствующим периодом 2015 г.

Несмотря на достаточно интенсивный рост выдаваемых кредитов (сравнимый уровень динамики был характерен, например, для 2012 г., когда розничное кредитование активно развивалось), сами объемы кредитования еще не восстановились после прошлогоднего спада. Из-за резкого падения в 2015 г. объемы выдачи кредитов в 2016 г. все еще не вышли на уровень 2014 г. по их номинальной величине. Совокупный объем предоставленных кредитов в I квартале 2016 г. оказался на 22% ниже, чем в I квартале 2014 г. Даже в жилищном кредитовании, где падение в 2015 г. было минимальным, а рост в 2016 г. – максимальным, объем выдачи кредитов в I квартале 2016 г. остался на 6% ниже, чем в соответствующем периоде 2014 г.

То, что номинальный объем кредитования остается на достаточно низком уровне, означает, что его влияние на финансовый баланс домашних хозяйств тем более не восстановилось. Так, в I квартале 2014 г. объем полученных населением от банков новых кредитов был сопоставим с 20% их денежных доходов. В результате обвала кредитного рынка в начале 2015 г. это отношение по итогам I квартала 2015 г. снизилось до 10%. А в I квартале 2016 г. объем вновь выданных

Источник: Банк России, Росстат, оценки ИЭП.

Рис. 1. Параметры банковского розничного кредитного рынка в % к денежному доходу домашних хозяйств, 2009–2016 гг.

банковских кредитов увеличился лишь до 13% от денежных доходов домашних хозяйств.

Низкий уровень выдачи новых кредитов обуславливает продолжение сжатия совокупной кредитной задолженности граждан перед банками. Это связано с тем, что объемы фактических возвратов кредитов банкам уменьшились не слишком сильно по сравнению с падением объемов новых кредитов. В I квартале 2016 г., как и в аналогичном периоде 2015 г., домашние хозяйства потратили около 14% своих денежных доходов на возврат банковских кредитов, тогда как в I квартале 2014 г. это соотношение составляло 17%.

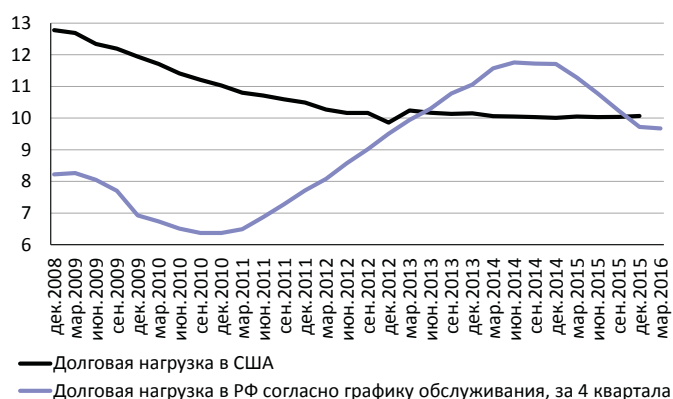
Снижение совокупной задолженности населения по банковским кредитам¹ продолжается с декабря 2014 г. За это время розничный кредитный портфель банков уменьшился на 7%, а отношение совокупного объема задолженности к денежным доходам населения за 12 месяцев сократилось на 4 п.п. – с 23,6% до 19,6%. Это стало одним из факторов снижения кредитной нагрузки на доходы населения.

Помимо уменьшения относительного объема задолженности, позитивной тенденцией в этой сфере можно считать изменение структуры кредитной задолженности в пользу более долгосрочных и более дешевых жилищных кредитов. По итогам I квартала 2016 г. доля кредитов на покупку жилья достигла 39% от общего объема задолженности населения перед банками, тогда как в конце 2014 г. этот показатель едва превышал 30%. Увеличение доли долгосрочных кредитов означает, что при том же объеме задолженности заемщики должны меньше выплачивать банку по основному долгу кредита, что снижает величину необходимых платежей.

При этом дюрация портфеля как жилищных, так и прочих кредитов, согласно графику погашения основного долга, за последний год заметно выросла. Если в начале 2015 г. средневзвешенная срочность совокупной задолженности физических лет составляла 38–40 месяцев, а задолженности по кредитам на покупку жилья – 94–98 месяцев, то в начале 2016 г. эти показатели выросли до 46–48 месяцев для совокупной задолженности и 148–150 месяцев для жилищных кредитов.

Средневзвешенная стоимость кредитной задолженности населения перед банками за год почти не изменилась. В I квартале 2015 г. она составляла 16,4% годовых, а в I квартале 2016 г. увеличилась до 16,5% годовых. Эта стабильность обусловлена ростом доли жилищных кредитов, стоимость которых остается заметно ниже: 12,5% годовых в I квартале 2015 г. и 12,6% годовых в аналогичном периоде 2016 г. При этом стоимость прочих кредитов выросла за год гораздо сильнее – с 18,4 до 19,0% годовых.

Все перечисленные выше факторы ведут к постепенному снижению долговой нагрузки на располагаемые

Источники: Federal Reserve, Банк России, Росстат, оценки ИЭП.
Рис. 2. Долговая нагрузка на располагаемые доходы в РФ и США

1 С поправкой на переоценку валютной задолженности.

доходы населения, наблюдаемому со второй половины 2014 г. Тогда домашние хозяйства направляли на обслуживание своей кредитной задолженности 11,8% располагаемых доходов. По итогам I квартала 2016 г. долговая нагрузка снизилась до 9,7% располагаемых доходов.

Если сравнивать российский кредитный рынок, например, с кредитным рынком США, то по параметру долговой нагрузки российские домохозяйства в конце 2015 г. сравнялись с американскими. Однако при этом уровень задолженности по отношению к доходам для американских домохозяйств превышает 100%, что более чем в 5 раз превышает российский уровень при сопоставимом уровне долговой нагрузки. ●

5. РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА: НЕСТАБИЛЬНОЕ РАВНОВЕСИЕ

А.Ляшок

В 2016 г. практически все основные показатели рынка труда – заработная плата, уровень безработицы и доля неполной занятости – близки к уровню прошлого года. Рынок труда замер в нестабильном равновесии. Однако за общей динамикой этих показателей по стране в целом скрываются серьезные региональные различия. Хотя безработица в России за последние два года несколько выросла, но более чем в трети регионов она упала, схожая динамика наблюдалась и с численностью работников, переведенных на неполный рабочий день. Анализ показывает, что регионы применяли различные инструменты для снижения издержек на труд, что сгладило общую по стране динамику основных показателей рынка труда.

Как уже было показано ранее¹, спад в экономике в 2015 г. оказал неоднородное влияние на основные характеристики рынка труда. Наиболее существенно снизилась заработная плата: по уточненным данным Росстата, падение в реальном выражении составило 9,7%. В то же время безработица выросла незначительно (всего на 300 тыс. человек) и ее уровень до сих пор остается одним из самых низких за всю постсоветскую историю. Та же ситуация наблюдается и с работниками, переведенными на неполный рабочий день: их среднее число на крупных и средних предприятиях в 2015 г. увеличилось всего на 112 тыс. человек по сравнению с 2014 г.

В I квартале 2016 г. особых изменений не произошло. Реальная заработная плата держалась на уровне I квартала прошлого года, безработица выросла незначительно. Наблюдается лишь небольшой прирост числа переведенных на неполный рабочий день: по сравнению с I кварталом 2015 г. их число выросло на 75 тыс. человек. По сути можно говорить о том, что рынок труда в настоящее время замер и находится в состоянии нестабильного равновесия.

Однако не стоит обманываться этой слабой реакцией на кризис. Российский рынок труда географически очень неоднороден. Незначительные изменения в целом по стране скрывают различные по силе реакции региональных рынков.

В исследовании Р. Капелюшникова и А. Ощепкова показано², что регионы имеют свои локальные рынки труда, причем «различия между региональными рынками труда в России являются комплексными: они затрагивают не какие-либо один или два показателя, а существуют по всему спектру количественных и ценовых параметров – уровню занятости, безработицы, оплаты труда и т.д.»³.

1 См. В. Ляшок «Рынок труда: особенности национальной адаптации». ОМЭС 2(20) 2016.

2 <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/177933018>

3 Там же.

Реакция на кризис также серьезно различается в зависимости от региона. Можно выделить три основных инструмента, которые позволяют работодателям снизить издержки на рабочую силу в период кризиса. Во-первых, это увольнения, ведущие к росту безработицы. Во-вторых, перевод работников на неполный рабочий день с соответствующим снижением заработных плат, реже по инициативе работодателя и чаще по решению сторон. В-третьих, прямое снижение реальной заработной платы, которое неизбежно происходит в результате инфляции в случае, если работодатель не стремится существенно повысить ее в номинальном выражении. Каждый регион использует различное сочетание этих инструментов.

Разница между регионами хорошо видна при сравнении уровней безработицы в I кварталах 2016 и 2014 г., когда еще спад в экономике не отмечался. В десятку регионов с наиболее высоким ростом безработицы в течение двух лет входят четыре территории из Центрального федерального округа (Ярославская, Орловская, Ивановская и Московская области) и столько же из Северо-Западного (Ненецкий авт. округ, Республика Коми, Мурманская и Новгородская области). Упала безработица сильнее всего в Дальневосточном федеральном округе (Якутии, Чукотском авт. округе, Камчатском крае), Северо-Кавказском (Республики Ингушетия и Чечня) и Сибирском (Томская область и республика Тыва). В целом в 51 регионе безработица выросла, тогда как в 32 она снизилась.

Еще более серьезный разброс наблюдается в динамике среднеквартальной численности работающих неполное рабочее время. Хотя в среднем за два года их число увеличилось на 8,5%, в Ненецком автономном округе оно выросло в три раза, в то время как в Ульяновской области – вдвое сократилось. В целом неполная занятость выросла в 45 субъектах федерации, тогда как в 3 не изменилась, а в 36 упала. Три региона оказываются в десятке лидирующих как по росту безработицы, так и по росту неполной занятости: Ненецкий авт. округ, Республика Алтай, Московская область. Сложно выделить отдельные тенденции по географическому признаку, хотя в десятку регионов с наибольшим ростом неполной занятости попали три республики из Приволжского федерального округа (Мордовия, Чувашия, Калмыкия), тогда как три области из этого же федерального округа попали в десятку регионов с наименьшими показателями (Нижегородская, Самарская и Ульяновская области).

Только в одном регионе страны – Сахалинской области – за последние два года уровень заработной платы вырос в реальном выражении. За этот же период сильнее всего заработная плата снизилась в республиках Северного Кавказа (Ингушетия, Чечне и Дагестане), в ряде областей Центрального федерального округа (Орловская, Ивановская и Тверская) и Северо-Западного федерального округа (Псковская и Калининградская).

При этом коэффициенты корреляции между этими показателями низки и статистически значимы только для корреляции уровня безработицы с неполной занятостью. Это может говорить о том, что большинство работодателей использует лишь одно или два из возможных решений по снижению издержек на труд внутри региона. При этом статистически значимые корреляции с индексом потребительских цен могут означать, что *в случае, когда работодатели в регионе сталкивались с высоким ростом цен, то они в большей мере старались сдерживать номинальный рост заработных плат и переводили сотрудников на неполный*

РЕГИОНЫ С НАИБОЛЬШИМ И НАИМЕНЬШИМ РОСТОМ УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ, ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТЫХ НЕПОЛНОЕ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ И РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ЗА I КВАРТАЛЫ 2014–2016 ГГ.¹

Таблица 1

№	Регион	Безработица	№	Регион	Неполное рабочее время	№	Регион	Реальная ЗП
1	Ярославская область	209,9	1	Ненецкий авт. округ	300,0	1	Сахалинская область	110,1
2	Самарская область	159,9	2	Магаданская область	180,0	2	Чукотский авт. округ	97,6
3	Ненецкий авт. округ	158,6	3	Республика Ингушетия	166,7	3	Ямало-Ненецкий авт. округ	97,5
4	Республика Алтай	155,9	4	Воронежская область	166,0	4	г. Санкт-Петербург	94,5
5	Республика Коми	150,6	5	Республика Мордовия	157,4	5	Республика Саха (Якутия)	94,4
6	Ивановская область	140,7	6	Республика Алтай	157,1	6	Республика Башкортостан	93,4
7	Орловская область	140,1	7	Свердловская область	155,3	7	Республика Мордовия	92,6
8	Новгородская область	137,5	8	Чувашская Республика	150,0	8	Красноярский край	92,4
9	Мурманская область	136,6	9	Республика Калмыкия	150,0	9	Ульяновская область	92,3
10	Московская область	136,0	10	Московская область	145,4	10	Оренбургская область	92,3
38	Российская Федерация	106,6	34	Российская Федерация	108,5	28	Российская Федерация	89,7
74	Республика Саха (Якутия)	86,4	74	Республика Северная Осетия - Алания	78,9	74	Псковская область	85,0
75	Республика Ингушетия	84,6	75	Нижегородская область	76,3	75	Тверская область	84,6
76	Брянская область	80,8	76	Калининградская область		76	Ивановская область	84,6
77	Томская область	79,9	77	Астраханская область	72,9	77	Орловская область	84,5
78	Республика Татарстан	79,6	78	Карачаево-Черкесская Республика	72,7	78	Калининградская область	84,5
79	Архангельская область без авт. округа	79,5	79	Амурская область	71,4	79	Краснодарский край	84,3
80	Чукотский авт. округ	78,6	80	Самарская область	70,5	80	Республика Дагестан	83,9
81	Республика Тыва	72,2	81	Еврейская авт. область	60,0	81	Амурская область	81,3
82	Чеченская Республика	69,2	82	Ханты-Мансийский авт. округ - Югра	59,7	82	Чеченская Республика	80,2
83	Камчатский край	62,2	83	Ульяновская область	42,9	83	Республика Ингушетия	77,7

Источник: Росстат, доклады о социально-экономическом положении России за 2014–2016 гг.

1 Динамика заработных плат рассчитана на основании данных за январь-февраль 2016 г. к тому же периоду 2014 г.

рабочий день. В то же время увольнения работников использовалось редко и одновременно с переводом других работников на неполный рабочий день.

Таблица 2

КОРРЕЛЯЦИИ ДИНАМИКИ РАЗЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЫНКА
ТРУДА И ИПЦ

	Уровень безработицы	Неполная занятость	Реальные зарботные платы	ИПЦ
Уровень безработицы	1			
Неполная занятость	0,242*	1		
Реальная заработная плата	-0,102	-0,152	1	
ИПЦ	0,103	0,301*	-0,553*	1

* значим на 5%-м уровне значимости. ●

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Дробышевский С., директор по научной работе
ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Идрисов Г., заведующий лабораторией исследований
отраслевых рынков и инфраструктуры ИПЭИ РАНХиГС

Казакова М., заместитель заведующего международной
лабораторией изучения бюджетной устойчивости
ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Каукин А., старший научный сотрудник лаборатории
исследований отраслевых рынков и инфраструктуры
ИПЭИ РАНХиГС

Ляшок В., научный сотрудник лаборатории исследований
пенсионных систем и актуарного прогнозирования
социальной сферы ИНСАП РАНХиГС

Хромов М., заведующий лабораторией финансовых
исследований ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных
опросов ИЭП им. Е.Т. Гайдара